

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТОМ XXI   ВЫПУСК 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI—XVII вв.¹

Прежде всего мне хочется напомнить о том научном завещании, которое оставил академик А. С. Орлов Сектору древнерусской литературы Пушкинского дома. Его последняя статья была обращена к специалистам по древнерусской литературе, а последние слова этой статьи указывали направление, которого Сектор древнерусской литературы должен держаться.

А. С. Орлов писал: «...на самом первом плане академического литературоведения русского средневековья, по моему мнению, должен быть неотложно поставлен пересмотр существовавшего до сих пор репертуара памятников. Содержание этого репертуара восходит в основном к Карамзину, затем к Шевыреву и Буслаеву, грубо сказать — к 50—60-м годам XIX в. Конечно, с тех пор кое-что прибавилось и кое-что вынесено за скобки, но это не изменило существенно содержание репертуара, и история русской средневековой литературы в основном как раньше, так и теперь строится на подборе памятников, образовавшихся к 50—60-м годам прошлого столетия. Правда, множество книгохранилищ с тех пор пересмотрено и их древности получили описание не только перечневое, но часто научное. Но эта библиография не повлияла на существенное обновление репертуара памятников... Необходимо непосредственное знакомство с самим текстом памятников в его рукописном или старопечатном экземпляре. Таково требование со стороны современной истории литературы. Другими словами, было бы правильно разойтись по книгохранилищам и в каждом из них перечесть в подлиннике весь состав, рукописный и старопечатный. Так делалось учеными предшествующих поколений: например, Шевырев, Тихонравов, Никольский (в Кирилло-Белозерской библиотеке), Андрей Попов, Перетц, Сперанский. Большинство ученых медиевистов сложилось в стенах библиотек, состоя там на службе в качестве описателей: Попов, Бычков, Хрисанф Лопарев, С. Долгов и другие. Вот и теперь пришло время работы в самих древних хранилищах. Только на их почве могут вырасти кадры медиевистов, столь поредевшие по нашему недосмотру.

Итак, первоочередной задачей Сектора древней русской литературы ИРЛИ Академии наук, по моему убеждению, является обновление и подготовка полнейшего подбора памятников для истории русской литературы.

Обязанностью Сектора древней литературы ИРЛИ АН является и самое издание текста памятников в объеме всего их репертуара, на котором базируется современная история средневековой литературы. Это издание должно быть показательным для всей жизни текста каждого памятника, начиная протографом и кончая его вариациями. Такое издание — дело не механическое и не есть только продукт специальной техники. Предстоит

¹ Доклад на Общем собрании Отделения литературы и языка АН СССР 27 июня 1962 г.

² Отделение литературы и языка, вып. 6

переиздать все уже изданное и издать все неизданное, для чего потребуются создать обильные новые кадры.

Обязанностью каждого медиевиста должно быть безотказное, охотное участие во всех фазах текстологии, начиная с самой черной работы и элементарной техники и кончая артистической подачей текста во всем его движении.

Вышеприведенные предложения стоят в связи с желательным направлением работ Древнего сектора «Пушкинского Дома», как академического центра литературоведения русского средневековья².

Эти последние из написанных академиком Орловым слов остаются в полной силе и теперь — спустя пятнадцать лет после его смерти.

Научное завещание академика Орлова выполняется всеми специалистами по древнерусской литературе. Мы с гордостью можем сказать, что «репертуар» памятников за последние 15 лет, протекшие с момента смерти А. С. Орлова, значительно изменился. Он далеко ушел от того репертуара, который был известен дореволюционной науке. Напомню, что еще в 30-х гг. в историю русской литературы благодаря трудам В. П. Адриановой-Перетц был включен целый большой и важный раздел — демократическая сатира XVII в. Сейчас этот раздел еще более расширен находкой новых восьми произведений, часть которых еще ждет своей публикации. Найдено довольно много новых произведений (посланий и писем) протопопа Аввакума (около 10). Найдены послания Зиновия Оттенского (дьяку Шинкину), Геннадия, Носифа Волоцкого (последний впервые предстал перед нами в своей писательской индивидуальности). Была опубликована интереснейшая легендарная переписка Грозного с турецким султаном, «Повесть о двух посольствах», «Повесть о царе Иване Васильевиче и купце Харитоне Белоулине», «Повесть о купце, нашедшем мертвое тело», «Повесть о купце Григории», «Повесть о купце, заложившемся о добродетели своей жены», «Повесть об избавлении Устюга Великого от Литвы», «Повесть о разуме человеческом». Были открыты новые записи песен и так называемые книжные песни (А. В. Позднеевым и И. М. Кудрявцевым), новые записи былин. Найден и опубликован целый ряд авантурных повестей XVII — нач. XVIII в.: «Повесть о французском шляхтиче Александре», «История о португальской королеве Анне и гишпанском королевиче Александре», «Повесть о гишпанском дворянине Карле», «История о некоем шляхетском сыне». Ждут публикации «Повесть о Владиславке-девке», «История о Бохеме», «Повесть о Басарге», новая повесть о начале Москвы, «Повесть об Аквитане», «Житие Диодора» и многие другие.

Было опубликовано историческое произведение начала XVII в. «О причинах гибели царств». Впервые опубликована первая пьеса русского театра «Артаксерово действо», считавшаяся утерянной. К сожалению, в опубликовании этой пьесы нас обогнали французы, опубликовавшие ее по дефектному экземпляру, найденному в Лионе.

Напомню об открытии В. И. Малышевым такого первоклассного произведения, как «Повесть о Сухане». В последнее время открыта «Повесть об острове Кипре», рассказывающая о борьбе Кипра за независимость в конце XV в. Сейчас найдено «Слово иное» и ряд других произведений.

Сектор древнерусской литературы проектирует выпуск специального тома, посвященного вновь открытым неизвестным произведениям древнерусской литературы.

Помимо многочисленных открытий в последние годы новых произведений (их десятки), следует указать и на не менее важную область

² А. С. Орлов. Мысли о положении работ по литературе русского средневековья. «Изв. АН СССР, Отд. лит. и языка», 1947, т. VI, № 2, стр. 92—93.

открытие новых списков уже известных произведений. Так были исправлены наши представления о тексте очень многих памятников («Сказания о князьях владимирских», «Моления» и «Слова» Даниила Заточника, «Слова о погибели Русской земли», «Сказания о Киевских богатырях» и мн. др.). В результате значительно углубились наши представления о литературе демократических слоев населения, пополнился разряд исторической беллетристики, литературы политической, еретической, стало возможным изучение летописи как памятника литературы и прочее.

Еще большие задачи стоят сейчас перед исследователями древнерусской литературы в связи с ожидаемым приведением в порядок наших рукописных фондов, составлением международного каталога древнеславянских рукописей, усилением экспедиционной работы. Экспедиции за рукописями ежегодно приносят все новые и новые тексты. После смерти А. С. Орлова основано новое хранилище рукописей — в Институте русской литературы, и оно уже насчитывает около 3000 единиц хранения. Все эти рукописи надо изучать.

Из изложенного должен быть ясен огромный объем текстологической работы. Мы приводим в порядок все наше «рукописное хозяйство», без чего невозможно построение научной истории литературы.

Между тем опыт текстологической работы не был до сих пор обобщен, не говоря уже о текстологических приемах А. А. Шахматова: Шахматов создал эпоху в текстологии своими отдельными исследованиями, но не написал специальных трудов по текстологии. После Шахматова в области текстологии было очень много интересного, но все это не обобщено. Кроме того, у нас мало известен опыт зарубежных текстологов-медиевистов. В результате, наряду с новыми и очень современными текстологическими исследованиями, иногда можно столкнуться с устаревшими и неверными приемами текстологической работы.

Каковы те принципиальные положения, которые мы можем считать наиболее прогрессивными в текстологических исследованиях памятников древнерусской литературы? С самого начала надо подчеркнуть, что положения, о которых я буду говорить, не являются моими положениями, а отражают те тенденции, которые наметились в текстологии за последние годы.

Основное положение состоит в том, что текстология — не вспомогательная дисциплина, занимающаяся техникой издания текста, а самостоятельная наука, изучающая историю текста произведений.

Мы движемся от критики текста — к текстологии. Выводы текстологии могут быть использованы в самых различных областях: историей литературы, для художественной и идейной интерпретации произведения, в историческом источниковедении и в исторической науке в целом и пр.; в эдической технике, которая, как я уже сказал, — особая область, лишь практически применяющая выводы текстологии, но отнюдь не сама текстология.

За рубежом, да отчасти и у нас, продолжает употребляться термин «критика текста». Отношение «критики текста» к текстологии приблизительно такое же, как «химического анализа» к химии. Термин «текстология», введенный Б. В. Томашевским и не известный за рубежом; представляется мне в высшей степени удачным. Он помогает осмыслить задачи изучения текста как особой науки.

Необходимо строго разделять вопросы «как изучать текст» и «как издавать текст». Это разделение, с одной стороны, дает свободу и простор для научного исследования текста и одновременно, с другой, освобождает практические задачи издания текста от необходимости неполноэмпирически, частями решать отдельные вопросы истории текста для целей его издания. В этом разделении изучения текста и его издания техника остается техникой, а вопросы изучения текста — наукой.

Процесс превращения текстологии в самостоятельную науку с самостоятельными задачами отчетливо определился в тех областях, где изучение истории текста особенно сложно: прежде всего в изучении текста летописей. Поэтому во многом современная текстология исходит из идей А. А. Шахматова и его школы в изучении летописания.

Развитие наук имеет свои закономерности. Развитие текстологии как самостоятельной науки, отделившейся от прикладных задач, идет по пути многих естественных наук, также отделившихся от технических дисциплин. В области гуманитарных наук текстология во многих отношениях разделяет судьбу исторического источниковедения, палеографии, нумизматики, археологии. Напомню, например, что палеография от решения задач прочтения и определения времени рукописей все больше и больше движется в сторону превращения в науку об истории письма; в этом отношении многое сделано О. А. Добиаш-Рождественской и ее школой.

Отвлекаясь несколько в сторону, скажу, что закономерности развития наук все настойчивее и настойчивее требуют своего внимательного изучения. Мы переживаем сейчас не только в области естественных наук, но и в области гуманитарных решительные перестройки. Этими перестройками необходимо управлять, а для этого необходимо их изучать. Возникают новые науки, старые меняют свой профиль. Науки, с одной стороны, эмансипируются, приобретают самостоятельность, отвоевывают самостоятельные области изучения и вводятся самостоятельными задачами. С другой же стороны, науки все теснее и теснее объединяются. При этом новые науки по большей части образуются на стыках между старыми.

Путь развития текстологии как самостоятельной науки только начался.

*

Итак, текстология есть наука, изучающая историю текста; с этим положением органически связаны и другие.

Если текстология изучает историю текста и на выводах ее строится эдиционная техника, то это, иными словами, означает, что мы должны сперва изучить историю текста, а затем уже его издавать, но не издавать текст для последующего его текстологического изучения. Между тем, даже после основополагающих текстологических работ Шахматова, очень часто бывает обратное: текст издается неизученным. Опыт показывает, что изучать историю текста по изданию, выполненному без предварительного исследования текста, невозможно.

Мне известны некоторые издания памятников, выполненные внешне очень аккуратно, с большим числом разночтений, но без тщательного изучения истории текста; в результате этими изданиями нельзя пользоваться для изучения текста, так как в качестве основных выбраны не те списки, и разночтения смешаны из-за неправильной классификации списков. В этих случаях для установления истории текста произведения все равно приходится обращаться к рукописям. Только тогда, когда история текста изучена, можно определить, какие существуют редакции, какие редакции издавать, какие списки привлекать для издания и какими пользоваться приемами издания.

Предварительным изучением истории текста достигается и известная экономия в изданиях. Мы не можем расточительно публиковать все новые и новые списки по мере их открытия, без строгой классификации на основе изучения их истории.

Надо сказать, что требование предварительного полного изучения текстов не всегда принимается даже молодыми учеными, которые стремятся публиковать отдельно каждый новый открытый ими список без

установления его исторического отношения к другим спискам, без выяснения его места в истории текста произведения.

*

Далее. Если издание текста строится на основании изучения истории текста, то издание должно, в свою очередь, давать представление об истории текста произведения, конечно, о тех ее этапах, которые имеют историко-литературную, источниковедческую или какую-нибудь иную ценность.

В этом отношении не все обстоит одинаково в различных областях литературы. Так, например, в древней русской литературе ценность имеют почти все этапы истории текста, за исключением, может быть, этапов, выходящих за пределы самой древней литературы, — XVIII и XIX веков. В древней русской литературе авторский текст не всегда лучший; иногда позднейшие этапы дают наиболее значительные в историко-литературном отношении тексты (например, в некоторых случаях истории русского летописания). По типу истории текста своих произведений древнерусская литература имеет много общего с фольклором, где текст не только просто меняется, но часто и совершенствуется на позднейших этапах своего существования.

Иначе обстоит дело с произведениями античной литературы. Эти произведения существуют в переписке тысячелетиями. Исследователь обязан, конечно, изучать всю историю текста для восстановления так называемого «авторского текста», для суждения о степени его измененности, но самостоятельная ценность последующих этапов развития текста сравнительно небольшая. Исследователей, да и читателей будет интересовать прежде всего текст самого античного писателя, а не его переделки. Работа переписчика, редактора произведения не сравнима с работой автора. Ни один переписчик не восстановит дефекты рукописей Эсхила, не допишет за автора конец утраченной драмы. Думаю, что он и не напишет сам что-либо более интересное, чем Эсхил.

В новой литературе интерес для изучения при наличии авторских и прижизненных автору рукописей и изданий представляют по преимуществу эти последние, а не последующие этапы развития текста, если это развитие и существовало. Посмертные тексты представляют интерес только тогда, когда они смогут дать материал для выяснения прижизненной истории текста. Впрочем, иногда и в новой русской литературе встречаются случаи, когда история текста произведения приближается по своему типу к древнерусской (агитационная политическая литература XIX в., «Горе от ума»; «Путешествие из Петербурга в Москву» и др.).

Если исследование истории текста дает единственную научную возможность восстановления интересующих нас текстов для их издания, то как мы будем относиться к старым способам восстановления авторского текста или к старым способам восстановления архетипов, которые предпринимались сторонниками так называемой «критики текста» с ее разделением приемов на рецензию и эмендацию текста? Не считались ли и они также в какой-то мере с историей текста произведения? Не ломимся ли мы в данном случае в открытые двери?

По моему глубокому убеждению, державшиеся столетиями приемы критики текста — рецензия и эмендация текста — должны решительно отпасть. Да практически в текстологических работах специалистов по древней русской литературе они и отпали.

В самом деле. Традиционные приемы критики текста, восстанавливающие авторский текст, рецензия и эмендация, по существу, отрицают историю текста как единого целого, подменяя историю текста как целого примитивно понятой историей его отдельных мест. Переписчики якобы всегда портят текст и надо эту порчу устранить путем по преимуществу конъектурального исправления каждого места в отдельности, или исправления на основе чтений других списков.

Между тем очень важно признать, что текст изменяется как единое целое. В каждом тексте отражается индивидуальность переписчика, типичные для него ошибки и типичные вкусы, воззрения, его личное отношение к тексту. Поэтому изменения текста в переписке, а тем более при редактировании текста писцом, нельзя рассматривать порознь, видеть в них не связанные между собою безличныя простые «искажения». Необходимо все изменения текста на определенном этапе его развития рассматривать как целое и прежде всего искать в этих изменениях индивидуальность переписчика (обусловленную особенностями своей эпохи, своего класса, сословия, биографическими обстоятельствами и т. д.). Индивидуальность переписчика может отразиться как в сознательных изменениях текста, так и в «бессознательных» (вызванных ошибками памяти, зрения, слуха и пр.). Изменения текста должны изучаться послойно, рассматриваться в их целом.

Отношение к каждому этапу истории текста как к некоему целому ко многому обязывает. Прежде всего отмечу, что мы должны каждое изменение текста не только констатировать, но и объяснять, ставя их в связь с другими изменениями на данном этапе истории текста, и искать за текстом его создателя, его переписчика, его редактора — их мировоззрение, их взгляды, их отношение к тексту — сознательные и бессознательные.

Нет текстологического факта вне его объяснения. Необъясненный текстологический факт — еще не факт, так как внешне одинаковые изменения текста могут иметь совершенно различное происхождение, коренным образом изменяющее наше отношение к ним. Допустим, в списке отсутствует кусок текста. Это может быть результатом утраты листа, результатом невнимательности переписчика или его сознательным стремлением уничтожить какую-то часть текста, с которой он не согласен. Каждый раз перед нами особый случай; факты здесь различны при всей их внешней схожести.

Далее. Полное изучение истории текста произведения делает неправомерным выделение отдельных вопросов истории текста как требующих к себе особого внимания и изучаемых якобы особыми методическими приемами. Я имею в виду вопросы атрибуции и атетезы, установления времени и места создания произведения. Несостоятельным оказывается и искусственное «укорачивание» исследования текста в отношении отдельных групп произведений, называемых «подложными». Вопросы атрибуции и атетезы, определения времени и места создания произведения, его подлинности — все это лишь частные вопросы истории текста. Чтобы точно датировать произведение, необходимо полно и всесторонне изучить историю текста, датировать все его этапы, все списки. Тогда картина времени создания текста будет ясной и убедительной. Но то же самое нужно для определения авторства, подлинности и пр. Это вопросы, которые в той или иной мере требуют одинаковых данных и одинаковых исследований, и их не надо заново повторять каждый раз.

Авторство, дата произведения, место его создания, «подлинность» произведения — лишь частные вопросы истории текста. Чем полнее мы изучим историю текста произведения в целом, тем точнее мы сможем ответить на отдельные вопросы этой истории. Есть общие методологические приемы изучения истории текста, но нет особых, отдельных приемов установления авторства, датировки, подлинности произведения и пр. Выделять изучение частных вопросов в особую задачу можно только тогда, когда от того или иного решения их зависит — продолжать или не продолжать дальнейшее исследование текста, оправдаются ли затрачиваемые усилия.

В решении же вопроса о ценности произведения необходимо всегда помнить об относительности многих наших понятий и представлений. Так, например, в древней русской литературе произведение может оказаться ценным, даже будучи «подложным» (например, так называемые подделки и подложные произведения XVII в. — подложная переписка Ивана Грозного с турецким султаном и пр.). Самые понятия «авторства», «подложности» и пр. — исторически изменялись и поэтому не могут механически накладываться на любое произведение любой эпохи.

Коренным образом изменяется и наше отношение к реконструкциям авторского текста, в которых, как известно, было до сих пор крайне много субъективизма.

Если признавать, что текст изменяется не по частям, а как единое целое, и изменение одних частей текста на каждом данном этапе его развития связано с изменениями других, то тогда реконструкция утраченных этапов развития текста не может совершаться путем частичных изменений, «исправлений» текста, вследствие чего создаются смешанные, заведомо не существовавшие тексты. Нельзя соединять разные этапы развития текста, нельзя смешивать в одном тексте языковые формы разных эпох, стилистически и идейно разнородные тексты и прочее.

Итак, текст изменяется как единое целое. Все изменения текста должны изучаться как единое целое. Исправляя текст, нельзя соединять разные этапы развития текста, каждый из которых представлял собой известное единство. Думаю, что это положение, в известной мере, может быть применено и к исправлениям текстов писателей нового времени на основании черновиков, отдельных списков или изданий, если только это не делается со строгим учетом истории текста как единого целого, сохраняющего эту целостность на всех этапах своего существования. Правда, в новое время этапы развития текста под пером одного автора выражены не так определенно, как в древней литературе: мы в большинстве случаев имеем дело с авторскими попытками выразить творческие замыслы, имеющие единую линию развития в пределах одной человеческой индивидуальности, тогда как в древней русской литературе текст изменяется разными людьми, иногда на протяжении многих столетий.

Не буду касаться сложной критики понятия «архетип». Укажу только, что и это понятие оказывается несостоятельным, как только мы подойдем к переписчику рукописи как к сложной человеческой индивидуальности, способной не только механически «портить» текст ошибками, но и правильно исправлять ошибки своих предшественников, соединять несколько текстов и пр. Впрочем о несостоятельности понятия «архетип» писалось уже достаточно много. В этом отношении очень многое сделано итальянским текстологом Дж. Пасквуале.

Неизбежным следствием отношения к каждому этапу истории текста памятника как к единому, органическому целому является принцип комплексности в изучении истории текста памятника.

Практически этот принцип комплексности был применен еще А. А. Шахматовым в его работах по истории русского летописания. К сожалению, А. А. Шахматов не обосновал этот принцип теоретически, хотя отдельные соображения общего характера и были рассеяны в его работах.

Принцип комплексности выводит текстолога за рамки изучения одного только данного произведения. Он означает, что изучение истории текста произведения должно вестись не только в пределах текста этого произ-

ведения, но и в пределах всей рукописи как единого целого. Что это значит? Произведения древнерусской литературы дошли до нас во многих случаях не в отдельных списках, а в составе сборников. Переписчик очень часто переписывал сразу ряд произведений. Естественно, что он делал общие изменения во всех переписываемых им произведениях. У переписчика могло быть одинаковое ко всем текстам переписываемых им сочинений отношение. Следовательно, чтобы понять изменения текста интересующего нас памятника, необходимо изучить и изменения, вносимые переписчиком в другие произведения. Кроме того, на происхождение исследуемого текста может указать происхождение соседнего переписанного тем же переписчиком текста. Отсюда возникает необходимость изучения постоянного сопровождения текста в рукописях, скрипториев, индивидуальности писца и прочее.

Чтобы понять, насколько важен этот принцип комплексности, укажу на следующий пример. Чешский исследователь древнерусской литературы Я. Фрчек, а за ним и А. Мазон, исходя из отличий древнейшего списка «Задонщины» от других, выдвинули свою теорию о двух «Задонщинах» и отождествили древнейший кириллобелозерский текст с текстом первоначальным. Я. С. Лурье подверг исследованию всю книгописную деятельность переписчика Кириллобелозерского монастыря Ефросина, который переписал и этот, якобы основной текст «Задонщины»³. Выявленные любопытные детали: особенности Кириллобелозерского списка повторились в других текстах, переписываемых Ефросином, вплоть до самого словообразования — «Задонщина». Следовательно, концепция Мазона — Фрчека о первоначальном тексте «Задонщины» рухнула сразу и бесповоротно, а с этим вместе оказалось несостоятельным и все искусственное построение об отношении «Слова о полку Игореве» к кириллобелозерскому тексту «Задонщины».

Могу сослаться и на другие очень плодотворные исследования деятельности переписчиков и составителей библиотек — Гурия Тушина (Н. А. Казаковой⁴) и соловецкого архимандрита Досифея (Н. Н. Розова⁵). Исследования эти новы и представляют принципиальную важность для текстологии. Надо надеяться, что они будут продолжаться и что будут начаты исследования отдельных древнерусских скрипториев в целом — Кириллобелозерского, Троицкого, Соловецкого, Новгородско-софийского и пр.

*

Принцип комплексности ведет нас и дальше. Следует изучать не только списки данного произведения и списки других произведений, переписывавшихся одним и тем же писцом, а также целых книгописных мастерских-скрипториев, но следует изучать отражение данного произведения в других произведениях. Здесь текстология соприкасается самым тесным образом со сравнительным изучением литератур. Задача эта также очень важна для изучения древней русской литературы, где тексты отдельных произведений постоянно перекрещиваются. Приведу пример. «Повести о разорении Рязани Батыем», по-видимому, относятся к XIV в., а древнейший список — XVI в. Для восстановления истории текста этого произведения за целые два века помогает изучение отражения этого произведения в других произведениях — в летописях, в «Слове о Дмитрии Ивановиче», в «Сказании о Мамаевом побоище», в «Сказании о взятии Царьграда» и т. п.

³ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVII, М.—Л., 1961.

⁴ Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVII, М.—Л., 1961.

⁵ Н. Н. Розов. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. Труды Отдела древнерусской литературы, т. XVIII, М.—Л., 1962.

Новые принципы в текстологии древнерусских памятников свидетельствуют о том, что текстология, став самостоятельной наукой с самостоятельными, отнюдь не «вспомогательными» задачами, идет к сближению с литературоведением в целом.

Обращу внимание еще на одну сторону этого процесса сближения с литературоведением в целом, особенно важную.

Советские специалисты по древней русской литературе в 20-х и 30-х годах занимались по преимуществу вторым этапом литературоведческой работы: марксистским осмыслением памятников, изданных старой филологической и исторической наукой. Они мало интересовались вопросами перестройки источниковедческой методологии. Современный исследователь не довольствуется новым осмыслением памятников. Он обращается непосредственно к рукописям и стремится на основе современной методологии перестроить и самое изучение рукописей. Тем самым устанавливается теоретическое единство всех этапов исследования памятников — теоретическое единство, которого было лишено изучение древней русской литературы в начале ее перестройки на марксистских основаниях.

Произойдет ли слияние текстологии с литературоведением в целом или только с некоторыми ее областями, — сказать сейчас трудно. Тем более, что это процесс длительный. Ведь еще первоначальный процесс отделения текстологии от задач эдиционных начался только в одной области — области древней русской литературы, главным образом благодаря гигантскому подвигу акад. А. А. Шахматова в области текстологического изучения летописания.

Исчерпано ли изложенными принципами все то новое, что мы можем отметить в текстологическом изучении памятников древнерусской литературы? Думаю, что нет. Текстология продолжает развиваться, и отдельные новые вопросы все встают и встают перед нами. Укажу на одну область текстологии, которой я собираюсь заняться в ближайшем будущем и которая, как мне кажется, представляет интерес и для других гуманитарных наук на современном этапе их развития.

В области технических наук сейчас громадную важность представляет развитие теории надежности. Проблема надежности радиосвязи, надежности действия тех или иных приборов, гарантии от ошибок, предупреждения ошибок и пр., и пр. В области текстологии эта проблема надежности также чрезвычайно важна. Она имеет еще особый аспект — борьба с субъективизмом исследователя.

Проблема надежности должна изучаться в аспекте всех видов текстологической работы, начиная с чисто археографических. Покажу это на некоторых примерах.

Археографы хорошо знают, как неумелое и неправильное определение памятника в научных описаниях закрывает для изучения ценнейшие списки. Лучше совсем не определить памятник, чем определить его неверно. В связи с этим возникает вопрос — какие требования следует предъявлять к научным описаниям, чтобы неверные определения были невозможны.

Другой пример. Сходство двух текстов может удовлетворительно объясняться разными способами — иногда до десятка. Какие требования следует предъявлять тому или иному объяснению, чтобы оно могло считаться единственно возможным?

Проблема надежности встает и в такой специальной области как подведение разпочтений, прочтение и передача текста. Проблема надежности работы текстолога должна быть подвергнута детальной разработке.

Итак, науки не только открывают закономерности, но и сами подчиняются закономерностям. Они не только изучают развитие, но развиваются и сами. Если предмет и задачи науки остаются неизменными в течение долгого времени, — это означает, что в науке нет открытий, что она в каком-то отношении стоит на месте.

В области текстологии мы видим определенное изменение профиля науки, кристаллизацию науки. Это определялось уже во времена Шахматова на ограниченном участке изучения летописания. Сейчас это изменение профиля текстологии продолжает расширяться.

В области исторических наук мы видим, что источниковедение все более и более сливается с исторической наукой в целом. Невозможно сейчас себе представить «чистого» источниковеда, как «чистого» историка. В области науки, изучающей древнюю русскую литературу, источниковедение и литературоведение также неудержимо сближаются. Открытие новых фактов и новая интерпретация уже известных сливаются с теоретическими обобщениями широкого масштаба. Я имею в виду настоящие, прочные научные обобщения, а не мимирию под обобщения, которая у нас, к сожалению, имеется в изучении литературы и истории.

По существу, литературоведческое источниковедение — это текстология, и она все более и более сближается с литературоведением в целом. Сближение не означает поглощения одной науки другой. Было бы нелепо думать, что текстология может заменить собой литературоведение, так же как «творческая история» произведений не может заменить всего литературоведческого анализа. Речь идет только о том, что текстолог должен все больше и больше быть литературоведом широкого профиля, а литературовед — считаться с данными текстологии. Вместе с тем текстологию и литературоведение начинает сближать их методологическое единство. Из дисциплины технической текстология становится наукой, основанной на том же строго историческом отношении к предмету своего изучения, что и литературоведение в целом.